

Мне известно было, что братом моим, в Бозе почившим высокопреосвященным Макарием, митрополитом Московским, в начале 1882 г. закончен был 12 том "Истории Русской Церкви", но печатание его отложено было до осени того же года.

После неожиданной кончины брата моего, последовавшей 9 июня 1882 г., между бумагами его я нашел собственноручные его рукописи всего 12 и начала 13 томов "Истории Русской Церкви". Двенадцатый том не имел лишь оглавления, которое и составлено мною. При этом на отдельном листе, моим покойным братом собственноручно карандашом был начертан следующий план тринадцатого тома:

Глава III. Большой Собор в Москве, низложение патриарха Никона и новый патриарх Иоасаф II: I) суд над патриархом Никоном и его низложение; II) патриарх Иоасаф II и деяния Большого Собора при участии патриарха Иоасафа, изложенные в "Книге соборных деяний"; III) другие деяния Собора и самого патриарха Иоасафа II: а) дела Иоасафа и патриархов касательно Соловецкого монастыря, б) дела их касательно Никона; IV) состояние Русской Церкви при патриархах Никоне и Иоасафе II. Глава IV. Три последние патриарха Московские и всея России. По этому плану написаны покойным Высокопреосвященным только две первые статьи из 3-й главы, которою начат был 13 том "Истории Русской Церкви", эти две статьи и напечатаны в конце 12 тома.

Протоиерей Александр Булгаков 1883 г.

*Глава I. Патриарх Никон - до оставления им кафедры: время управления его Церковью*

Когда скончался патриарх Иосиф (15 апреля 1652 г.), все в Москве могли догадываться, что преемником его на патриаршей кафедре будет не кто другой, как Новгородский митрополит Никон, который и при жизни Иосифа был главным советником царя Алексея Михайловича в делах церковных и возвышался над всеми сколько своими личными достоинствами, столько же или даже более неограниченною доверенностию и любовью к нему государя. Никону пророчили патриаршество еще в то время, лишь только он сделался митрополитом. Сохранилось сказание, что когда он, прибыв в Новгород, поехал в Хутынский монастырь к проживавшему там на покое своему предместнику, митрополиту Аффоню, мужу святой жизни, но по старости и беспамятству добровольно оставившему свою кафедру, и начал просить у него себе благословения, то Аффоний отвечал: "Ты меня благослови" - и после долгого

препирательства между ними об этом сказал наконец: "Благослови меня, патриарше". Никон заметил: "Нет, отче святой, я грешный митрополит, а не патриарх..." "Будешь патриархом и благослови меня", - пояснил свою мысль Аффоний и действительно первый принял благословение от Никона, а затем благословил его. Для подобного предсказания о патриаршестве Никона было уже тогда достаточно оснований. Но случилось так, что после кончины патриарха Иосифа довольно долго Никона не было в Москве: он путешествовал в Соловецкий монастырь, чтобы перенести оттуда в столицу мощи святителя Филиппа. И нашлись люди, которые хотели воспользоваться отсутствием Никона и не допустить его до патриаршего престола. Известный протопоп Юрьевца Повольского Аввакум рассказывает в своей автобиографии, что духовник государев, тоже лицо, имевшее великую силу у Алексея Михайловича, протопоп Благовещенского собора Стефан Вонифатьев целую седмицу постился "с братиею" и молился Богу о даровании России нового патриарха. И по окончании седмицы братия вместе с Казанским митрополитом Корнилием подали за собственноручными подписями царю и царице челобитную "о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах". Кто же были эти люди, которых Аввакум называет "братиею"? Это были, как видно из автобиографии и из других сочинений Аввакума, протопоп Казанского собора в Москве Иван Неронов, человек весьма сильный в московском духовенстве и близкий к царю, сам он, протопоп Аввакум, протопопы - костромской Даниил и муромский Логгин и вообще те самые лица, которые явились впоследствии первыми противниками Никона в деле исправления церковных книг и обрядов и первыми виновниками раскола. Таким образом, еще прежде, нежели Никон сделался патриархом, люди эти уже питали к нему чувства неприязни, хотя он в то время, по свидетельству самого Аввакума, был и считался их другом. Эти люди, особенно Вонифатьев и Неронов, привыкшие при слабом патриархе Иосифе заправлять делами в церковном управлении и суде, желали и теперь удержать за собою всю власть над Церковью и не без основания опасались Никона, достаточно ознакомившись с его характером. Знал ли или не знал Вонифатьев о челобитной, поданной о нем "братиею" царю и царице, но он имел настолько благоразумия, что отказался от чести, ему испрашиваемой, и даже сам будто бы указал царю на митрополита Никона как достойнейшего кандидата для занятия патриаршей кафедры. Тогда царь отправил к Никону послание (это было уже к концу мая), в котором, извещая его о смерти патриарха Иосифа и величая самого Никона своим "возлюбленным любимцем и собенным другом, душевным и телесным", писал к нему: "Возвращайся, Господа ради, поскорее к нам обирать на патриаршество именем Феогноста (т. е. Богу известного), а без тебя отнюдь ни за что не примемся" и еще далее: "И ты, владыко святой, помолись, чтоб Господь Бог наш дал нам пастыря и отца, кто Ему, Свету, годен, имя вышеписанное, а ожидаем тебя, великого святителя, к выбору, а сего мужа три человека ведают: я, да Казанский митрополит, да отец мой духовный (т. е. Вонифатьев), тай не в пример, а сказывают: свят муж". Никон, без сомнения, понимал, что речь была о нем. И, возвратившись в Москву 9 июля, когда принесены были в нее мощи святителя Филиппа, спешил с поклонами и ласками к своим друзьям, Вонифатьеву и прочей братии, чтобы не

случилось ему от них какой помехи достигнуть патриаршества. Так по крайней мере рассказывает Аввакум.

Для избрания нового патриарха составлен был чин, по которому оно должно было совершиться. В чине говорилось, что благочестивый царь, не желая видеть Церковь как бы вдовствующею, разослал грамоты во все концы своего государства, ко всем святителям и, извещая их о смерти патриарха Иосифа, приглашал их собраться в Москву для избрания нового верховного пастыря и что вследствие этого в Москву прибыли четыре митрополита: Новгородский Никон, Казанский Корнилий, Ростовский Варлаам, Сарский Серапион и три архиепископа: Вологодский Маркелл, Суздальский Серапион и Рязанский Мисаил со множеством архимандритов, игуменов, протоиереев и священников, а прочие архиереи, которые почему-либо не могли прийти, прислали священному Собору повольные грамоты о своем согласии. Собранным святителям царь приказал "ко избранию на патриаршеский престол написать двенадцать мужей духовных". Святители исполнили волю царя и, написавши, "прислаша к нему имена 12 духовных мужей". Июля в 22-й день послал царь своего боярина Василия Васильевича Бутурлина да думного дьяка Волошенинова сказать святителям и всему Собору, чтобы они из тех 12 мужей избрали одного достойнейшего быть патриархом, "мужа благоговейного и преподобного", и потом пришли в Золотую палату известить о том государю. Святители со всем Собором исполнили и эту царскую волю, и когда пришли в Золотую палату, то Казанский митрополит Корнилий возвестил государю от лица всех, что они из 12 духовных мужей избрали на патриарший престол Никона, митрополита Новгородского, а затем предложил государю идти "для такова великого дела" в соборную церковь и помолиться, чтобы Господь Бог по предстательству Пресвятой Богородицы и святых чудотворцев Московских "то великое дело совершил". Государь велел вперед идти в соборную церковь святителям с прочим духовенством и, переговорив с своими боярами об избрании патриарха, пошел туда и сам. В церкви совершены были всем Собором молебствия: Пресвятой Троице, духам бесплотным. Пресвятой Богородице с акафистом, святым апостолам и святым чудотворцам Московским - Петру, Алексию, Ионе и Филиппу. По окончании молебствий царь, посоветовавшись с Корнилием Казанским и со всем Собором, послал "по новоизбранного патриарха" на Новгородское подворье митрополита Сарского да архиепископа Рязанского и с ними боярина Бутурлина, окольничего князя Ромодановского и думного дьяка Волошенинова. Так все это должно было происходить по наперед составленному чину избрания, и нет основания сомневаться, что так действительно и происходило. Но за сим последовало неожиданное отступление от чина. По чину предполагалось, что, как только Никон услышит от посланной к нему депутации повеление государя явиться в соборную церковь по случаю избрания его на патриаршество, он тотчас явится, скажет речь государю, примет от него и от всех поздравление и пр. Вышло, однако ж, не так: Никон не захотел идти в соборную церковь, о чем депутация и возвестила царю и всему Собору. Посылали за Никоном еще не однажды, не дважды, а много раз: Никон не покорялся. Послал, наконец, государь главнейших своих бояр и архиереев, чтобы они взяли Никона против его воли и

привели на Собор, - Никон был приведен. И начал царь со всем своим синклитом, духовенством и народом умолять Никона, да будет патриархом в Москве и России, но Никон не соглашался, называя себя смиренным, неразумным и не могущим пасти словесных овец стада Христова. Прошло много времени в напрасных мольбах. Наконец, царь и все присутствовавшие в церкви пали на землю и со слезами молили Никона принять патриаршество. И не вытерпел Никон при виде царя в таком положении, заплакал сам вместе со всеми и, вспомнив, что сердце царя, по Писанию, в руке Божии, обратился к нему и ко всем находившимся в церкви с такими словами: "Вы знаете, что мы от начала приняли св. Евангелие, вещания св. апостолов, правила св. отцов и царские законы из православной Греции, и потому называемся христианами, но на деле не исполняем ни заповедей евангельских, ни правил св. апостолов и св. отцов, ни законов благочестивых царей греческих... Если вам угодно, чтобы я был у вас патриархом, дайте мне ваше слово и произнесите обет в этой соборной церкви пред Господом и Спасителем нашим и Его Пречистою Материю, ангелами и всеми святыми, что вы будете содержать евангельские догматы и соблюдать правила св. апостолов и св. отцов и законы благочестивых царей. Если обещаетесь слушаться и меня как вашего главного архипастыря и отца во всем, что буду возвещать вам о догматах Божиих и о правилах, в таком случае я по вашему желанию и прошению не стану более отрекаться от великого архиерейства". Тогда царь, и все бояре, и весь освященный Собор произнесли пред святым Евангелием и пред святыми чудотворными иконами обет исполнять все, что предлагал Никон. И Никон, призвав во свидетели Господа, Пресвятую Богородицу, ангелов и святых, изрек свое согласие быть патриархом. Правда, все это об избрании Никона мы знаем только из его собственного рассказа. Но, излагая этот рассказ, Никон говорил: "Господь Бог свидетель есть, яко тако бысть" - и смело повторял этот рассказ пред самим царем Алексеем Михайловичем и пред своими врагами, которые могли бы обличить его в неправде, а еще прежде смело указывал на это событие даже в печатных богослужебных книгах.

Июля 23-го происходило наречение новоизбранного патриарха по прежде составленному чину, а 25-го Никон посвящен был в сан патриарха Казанским митрополитом Корнилием и другими архиереями в Успенском соборе в присутствии самого государя. В тот же день царь давал обед в Грановитой палате для нового патриарха и всех духовных властей, при чем находились и некоторые знатнейшие бояре. В обычное время Никон вставал из-за стола и ездил кругом Кремля на осляти, а осля под патриархом водили бывшие с ним за столом бояре: князь Алексей Трубецкой, князь Федор Куракин, князь Юрий Долгорукий и окольничие: князь Димитрий Долгорукий да Прокопий Соковнин. Святители, участвовавшие в поставлении патриарха Никона, дали ему настольную грамоту за своими подписями и печатями и в ней, между прочим, сказали: "С великою нуждею умолиша его на превысочайший святительский престол", чем подтвердили его собственное о том сказанье. Никону едва исполнилось тогда 47 лет от рождения, и он вступил на патриарший престол еще во всей крепости своих сил.

Патриаршествование Никона составляет эпоху в истории нашей Церкви. При нем началось соединение двух частей ее, двух бывших митрополий, Западнорусской, Киевской, и Восточнорусской, Московской, которые разделены были около двух столетий, - соединение, совершавшееся потом медленно и постепенно в продолжение значительного времени. И Никон первый начал называться патриархом "Московским и всея Великия, и Малыя, и Белья России". При нем и при его главном участии действительно началось вполне верное и надежное по своим основам исправление наших церковных книг и обрядов, какого прежде у нас почти не бывало, продолжавшееся и при его преемниках, и вслед за тем начался и русский раскол глаголемого старообрядства, продолжающийся доселе. При Никоне или, вернее, самим Никоном сделана была самая смелая из всех когда-либо у нас бывших и решительная попытка отстоять самостоятельность и независимость Русской Церкви от светской власти, хотя и кончившаяся для него неудачно. При Никоне чаще, чем когда-либо, происходили сношения Русской Церкви с Греческою по делам церковным, чаще, чем когда-либо, приезжали к нам высшие греческие иерархи и при их участии совершались у нас такие Соборы, каких ни прежде, ни после у нас не бывало. Да и сам Никон, с его необыкновенным умом и характером и с его необыкновенною судьбою, представляет собою такое лицо, которое резко выдается в ряду других наших патриархов и всех когда-либо бывших в нашей Церкви первосвященников.

Патриаршествование Никона продолжалось всего четырнадцать лет и четыре с половиною месяца. Но из них он только шесть лет был действительным патриархом Московским и всея России и управлял Церковию, пока самовольно не оставил своей кафедры. Остальные же восемь лет он уже не был и не назывался патриархом Московским и всея России, а считал себя только патриархом и не управлял Церковию, но не переставал вмешиваться в ее управление и делать попытки к возвращению себе прежней власти, пока не был совсем низложен и лишен сана.